ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Маяковский
  -
  - Комментарии
    -

Владимир Маяковский
АМЕРИКА В БАКУ

Баку я видел три раза.

Первый — восемнадцать лет назад. Издали.

За Тифлисом начались странные вещи: песок — сначала простой, потом пустынный, без всякой земли, и наконец — жирный, черный. За пустыней — море, белой солью вылизывающее берег. По каемке берега бурые, на ходу вырывающие безлистый куст верблюды Ночью начались дикие строения — будто вынуты черные колодезные дыры и наскоро обиты доской. Строения обложили весь горизонт, выбегали навстречу, взбирались на горы, отходили вглубь и толпились тысячами. Когда подъехали ближе, у вышек выросли огромные черные космы, ветер за эти космы выдрал из колодцев огонь, от огня шарахнулись тени и стали качать фантастический вышечный город. Горело в трех местах. Даже на час загнув от Баку к Дербенту, видели зарево.

Промысла горели всегда.

Второй раз я видел Баку в 13-м.

Несколько часов — от лекции до поезда. Меня повели смотреть город; Каспийское море, сажают бульвар, театр Маилова, Девичья башня, парапет.

— Нельзя ли на промысла? — заикнулся я.

— Бросьте! — отвечали мне. — Чего же там смотреть! Черный, грязный город. Промысла тоже — грязь да нефть. Вот разве что ночью — когда фонтаны горят…

Сейчас первый же встречный спросил:

— Вы видали промысла?

Второй:

— Вы уже были в Черном городе?

— Как вам нравится Разинский поселок?

— Вот побывайте на заводе Шмидта…

— Посмотрите ленинские…

И т. д., и т. д.

Весь интерес города вертится вокруг промыслов. Не только интерес добычи и прибыли, а весь интерес внимания, культуры, подъема.

Черный город.

Сейчас уже название «Черный» стареет.

Сносятся мелкие отсталые заводики раньше конкурировавших фирм, и вся строительная энергия бросается на

расширение, укрепление больших, по последнему слову оборудованных заводов вроде бывшего Нобеля. Железный и стальной лом свозится на фабрику Шмидта, и снова пойдут в работу раньше негодные миллионы пудов. Вместо отечественных лачуг с паршивым «дымом отечества» выводятся и растут рабочие поселки, с домами в террасах, с электричеством, на газе. В Разинском, в Романинском и Балаханском поселках уже исчезли чернота и дым.

И Черный и белеющий город, — конечно, не случайность и не благотворительность. Это — отражение, это — продолжение способов добычи нефти.

В изумлении хожу по промыслам.

Вот старая желонная вышка. Прабабка грязи и копоти черного поселка.

К ней не то что не подойти в галошах, к ней в лодке не подплывешь.

Высоченная обитая дверка для подъема и спуска желонки (желонка — длинная труба-ведро и на 6 и на 8 пудов нефти). Чтоб выволочь ее из скважины, тарахтит машина вроде пароходной лебедки, и 4–8 человек возятся вокруг всей этой ахинеи, опускают желонку, потом человек на верхушке смотрит, чтоб ее вздернули на нужную высоту; двое, раскачивая, подводят ее на нефтяной бак, и она выплевывает густую грязную жидкость и в бак, и в лицо, и на одежду, и в окрестности. С перерывами течет по открытым желобам в ожидании окурка незащищенная нефть.

Разве раньше можно было привести этот мрак в порядок? 200 хозяев и хозяйчиков конкурировали, дрались и расхищали нефть на этом маленьком клочке земли.

Расхищали, потому что рвачески выбиралась нефть, заливались водой из экономии неукрепленные скважины.

Высшее счастье — фонтан. Полмиллиона пудов нефти выкинет он в день — это 200–300 золотых тысяч Манташевым, Тамамшевым, Нобелям. И если у одного забил фонтан, сосед лихорадочно начинает рыть рядом, тут не до американизации добычи, тут не до укрепления. Фонтан надрывался, дав полмиллиона пудов в день и иссякнув, тогда как в правильные месяцы он дал бы миллионы пудов. Экономия? Экономия? Экономия на удобствах, на рабочих жилищах.

Снимайте галоши, выпустите кончики белого платочка и в кремовых (если хотите) брюках шагайте на сегодняшние промысла.

Низенькое игрушечное здание — просто комната с красной крышей. На высоте аршина от земли щель, из щели длинные

железные тонкие лапы, дергающие рычаг глубокого насоса, без остановок выкачивающие нефть в глухие трубы, из труб — в крытый бак. А под крышей мотор сил в 60 (а раньше 90 сил на одно тартание) вертит групповой прибор, сосущий сразу нефть из двадцати скважин. По вылизанному полу ходит всего один человек, да и тот может выйти без ущерба хоть на два часа. До революции попробовали глубокие насосы и бросили — слишком долгий способ. Сразу разбогатеть веселее. Осталось 10–12 насосов.

А групповых, «коллективных» приборов — ни одного. Куда ж заводчикам сообща, — передерутся. А сейчас 40 групповых приборов, да еще и приборы-то сами на нашем заводе на 50 % сделаны, а первые шли из Америки. Глубоких насосов 1200, и гордостью стоит тысячная «вышка» на промысле Кирова, оборудованная в честь XV бакинской партконференции. Это из общего количества 2350 работающих вышек. Еще полторы тысячи скважин ждут своей очереди.

Ненужный дорогой лес вышек снимают, везут на другие стройки.

Делалось не сразу.

Ощупью, понаслышке конструировали машины, стоящие по Америке. А когда дорвались до американских, увидели, что наврали мало, а кой в чем и превзошли свои стальные идеалы.

[*1926*]

Комментарии

Америка в Баку. Впервые — жури. «Огонек», М., 1926, № 15, 11 апреля.

Очерк написан в результате поездки Маяковского в Баку во второй половине февраля 1926 года. Перекликается с очерками и памфлетами на зарубежные темы, составившими так называемый американский цикл, над которыми он продолжал работать вплоть до весны 1926 года.

В журнале напечатан с тремя фотографиями из альбома, подаренного Маяковскому в Баку: 1) Вид черного города; 2) Групповой прибор, заменяющий 20 нефтяных вышек с желонками; 3) Раманынский рабочий поселок в Баку. На альбоме была сделана надпись: «Пролетарскому поэту В. Маяковскому от признательных нефтеработников и Азнефти 22 февраля 1926 г.» (Альбом хранится в ГММ).

Маяковский оказался в Баку во второй половине февраля 1926 года во время своей лекционной поездки по городам Украины, Северного Кавказа, Азербайджана и Грузии. Пробыл здесь неделю. За это время семь раз выступал с лекциями и чтением своих стихов перед разными аудиториями, встречался с местными литераторами, журналистами, опубликовал в газете «Бакинский рабочий» несколько своих стихотворений и очерк «Я люблю Нью-Йорк» из подготовленной к печати книги «Мое открытие Америки». Во время пребывания в Баку Маяковский встречался с нефтяниками и осматривал строительство новых нефтяных промыслов и написал об этом очерк «Америка в Баку».

О поездке в Баку Маяковский вспоминает также в очерке «Рожденные столицы», написанном два года спустя.

…восемнадцать лет назад. Издали. — В 1906 году Маяковский переехал из Грузии в Москву. Позже, вспоминая эту поездку, он писал в автобиографии «Я сам»: «Дорога. Лучше всего — Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи — нефть…».

Второй раз… в 13-м. — Ошибка памяти. Маяковский выступал в Баку 29 марта 1914 года, а не в 1913 году.

С. Стыкалин